

ФИЛОСОФСКАЯ ЭССЕИСТИКА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФАКТОРЫ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Т.В. Душина, А.А. Лагунов

Всякое определение понятия предполагает раскрываемый последним контекст: иначе, давая дефиницию чему-либо, мы уже имеем в виду имплицитно заложенное в ней содержание, развертываемое в дальнейшем теоретизировании. Значит, в части определений не может быть согласия между исследователями, чей интерес направлен на разные содержательные аспекты одного и того же феномена. Вследствие этого не стоит удивляться тому, что сегодня существует более двухсот определений религии, поскольку все они характеризуют ту или иную сторону сложнейшего социокультурного образования.

Более того, можно утверждать, что количество дефиниций религиозного феномена (как и любого другого) должно закономерно возрастать по мере его изучения, высвечивающего новые грани, до поры скрытые от исторически становящегося человеческого разума. *Дефиниция есть символ раскрывающегося во времени содержательного контекста понятия.* И зависимость между символом и контекстом обоюдная: по мере раскрытия содержания изменяется и символ, что, в свою очередь, влечет за собой метаморфозы содержания. В связи с этим не стоит, конечно, ожидать от кого бы то ни было «единственно верного» определения понятия, поскольку определение — не факт, но процесс, обуславливающийся изменением фактов. Нами предлагается одно из возможных социально-философских определений понятия религии: *Религия есть конкретная система ценностно-целевых связей, обуславливающих жизнедеятельность общества в соответствии с трансцендентными идеалами, представления о которых опираются на полагаемый сакральным авторитет.* При таком подходе религия предстает перед нами в качестве важнейшего формообразующего элемента общества. Но, с другой стороны, наличие общественных отношений есть необходимое условие возникновения религиозной системы.

Взаимообусловленность феноменов общества и религии очевидна, однако наше поколение вполне реально знакомо с тенденцией избавления социальной жизни от прямого влияния на нее религиозных фактов. Насколько эффективна была эта тенденция, история показывает нам с поражающей ясностью.

Религии вовсе не исчезли под стремительным натиском наук и идеологий, напротив, религиозные антитезисы оказались катализаторами нового всплеска религиозности, но всплеска весьма опасного, оторванного от традиций и несущего угрозу человечеству в качестве эзотерических, космических, протестных, фундаменталистских и прочих концепций, предсказать дальнейшее развитие которых сегодня весьма проблематично.

Религии не ушли в область фантазий и грез. Более того, есть повод утверждать о коренной взаимозависимости религии и общества, двух сторон одной медали. Стремление к совершенствованию общественной жизни, имплицитно заложенное в социуме, порождает религиозную пассионарность, и наоборот, оформившиеся в результате действия последней религии изменяют социальные представления и институты. Причем рационально-теоретическим выражением развивающейся религиозности является религиозная философия, опосредованная социально-историческими фактами.

Латинское слово «*faktum*» переводится как «совершившееся», «сделанное». Но факт — не просто нечто происшедшее, но и фундаментально закрепившееся в социальной реальности, пусть и на ограниченный временной срок. *Совокупность социальных фактов есть конкретно-историческое «общественное пространство», в котором живут и действуют отдельные индивиды.* По причине своего рождения в данном месте и в данное время они, с одной стороны, вынуждены подчиняться «правилам игры», с другой, влекомые творческим порывом, не могут не изменять условий своего существования. И прежде всего такой интенцией обладают религиозные философы, не удовлетворенные наличествующими представлениями о действительности и стремящиеся прорваться за пределы мира, ограниченного историческим опытом.

Таким образом, *религиозно-философская рефлексия обусловлена группами социальных фактов, определяющих факторы, прямо воздействующие на нее. Верно и обратное. Размышление религиозного философа, насыщенное сомнениями и внутренними оппозициями, хотя и далеко не всегда, но может изменять социальные факты, что, в свою очередь, приведет к трансформации факторов, влияющих на мыслителей более поздних исторических периодов.*

Попытаемся концептуализировать социальные факторы, обуславливающие качественность религиозно-философской рефлексии. Ясно, что в целокупности общественной жизни таких факторов можно выделить сколько угодно, поэтому воспользуемся данным нами определением религии как вечного спутника социального бытия. В этом случае мы можем ограничиться несколькими основными факторами, при этом осознавая, что данная нами классификация будет далеко не полной, впрочем, как и всякая классификация, препарирующая целое на части.

Итак, первым социальным фактором, обращающим на себя внимание, является фактор *интенциональный*.

Уже достаточно давно подмечено, что человек (по крайней мере его душа) является жителем двух миров, в философской традиции — материального и духовного, в религиозной — земного и небесного. Что же заставляет разум вызы-

пашья над чувственной данностью? На наш взгляд, эту возвышенность человеческого существу придает *априорное наличие у него стремления к постижению трансцендентного*, направляющего поток социального сознания в метафизические области бытия. Именно там человек всегда искал и ищет сегодня экзистенциальный смысл своей жизни, и эти поиски порождают в нем религиозную рефлексия, глубинную основу религиозной философии. Эта рефлексия с завидным историческим постоянством приводила к утверждению в сознании понятия Высшей Личности, что в соответствии с весьма распространенным так называемым онтологическим доказательством уже было достаточным основанием для признания истинным содержания, раскрываемого этим понятием. Хотя следует заметить, что всякие рационалистические доказательства бытия Бога, а значит, и строгое обоснование существования человека на перекрестке миров, символизируемом крестом, скорее всего, невозможны по причине сверхрационалистичности этих задач.

Но отметим, что невозможность дискурсивного осмысления оснований бытия, в том числе и социального, не отрицает необходимости их метафизического исследования, основанного на интуиции. Более того, без последнего невозможна никакая рационально-теоретическая онтология, ведь причинно-целевые конструкции в любой области философского исследования всегда гипотетичны вследствие ограниченности возможностей человеческого познания.

Интенциональный фактор религиозно-философской рефлексии дает возможность оправдать бытие человека в мире, значит, придать этому бытию смысл.

Весомым аргументом сторонников атеистического мировоззрения является тезис о компенсаторной функции религии. Не углубляясь в его анализ, отметим, что такая функция не только унижает достоинство человека, у которого довлеющим признается чувство страха перед окружающим миром, она, по сути, ничего не объясняет: ведь вполне возможно компенсировать свой страх перед природой более простыми и потому приемлемыми в животном мире способами естественного отбора — отращиванием когтей, затачиванием зубов, выращиванием прочного панциря, шлифовкой стадных инстинктов. Но возникают религии, а вместе с ними — культуры, и эти феномены апелляцией к страху не объяснишь. А вот метафизическим беспокойством, порождающим устремленность к Высшему, эволюция общества и религии вполне объяснима, хотя, согласимся, недоказуема в научно-экспериментальном смысле.

Генезис общества в целом связан с появлением и развитием в нем фактов смысложизненной интенции. Осмыслить жизнь можно, только объяснив ее посредством мышления, при помощи мысли придать смысл своему существованию в данном месте и в данное время, понять раскрывающееся в действиях предназначение, как свое личное, так и конкретно-общественное.

Отсюда заключим, что вторым существенным социальным фактором религиозно-философской рефлексии является фактор *ментальный*. Можно говорить о ментальности индивидуальной, а можно и об общественных ментальностях разного уровня — семейной, профессиональной, этнической... И в том, и в другом

случае мы имеем в виду некие стереотипы мышления и поведения, раскрывающие самобытный характер личности, семьи, общности, этноса. Ментальность есть важнейший идентификатор социального субъекта.

Априорное стремление к постижению трансцендентного с необходимостью порождает в человеке разумном желание осмысления действительности. Такое желание может появиться только у личности, которую часто трактуют как индивидуальность, преломленную через призму общества, у личности, осознавшей как свою свободу, так и необходимость подчиняться неписанным правилам «общественного договора», позволяющего ей выживать и осуществлять свободу через творческую деятельность.

Менталитет чрезвычайно важен при формировании религиозности, он позволяет как сохранять устойчивые стереотипы поведения и мышления, так и посредством интеллекта и интуиции трансцендировать в неизвестное, т.е., по сути, осуществлять религиозно-философскую рефлексию. Только при наличии определенной ментальности человек имеет право именоваться человеком разумным. Только с ней общности приобретают индивидуальность, идентифицируя себя вначале по признаку «свой — чужой», а затем и обособливаясь культурно.

Выделим третий социальный фактор, тесно связанный с интенциональным и ментальным — *телеологический*. Живя в обществе, а потому получая возможность накапливать знания о мире, человек обратил внимание на одну важнейшую особенность окружающего бытия — на его целесообразность. И, познавая природные цели, не мог не задуматься о своей собственной.

От такого глубокого размышления уже был всего один шаг до утверждения телеологической значимости надмирной реальности, организатора и регулятора бытия, до формирования религиозных представлений и, соответственно, до начала религиозно-философского дискурса. Определить же цели мироздания и человеческого общества — значит продолжить осуществление задачи по приданию им смысла. *Априорное стремление к постижению трансцендентного с необходимостью порождает в человеке разумном желание осмыслить цели мироздания вообще и общества в частности.* Однако целеполагание теснейшим образом связано с оценкой социоприродных реалий и трансцендентных идеалов. Для того чтобы определить цель, необходимо уже иметь конкретную систему ценностей. Совокупность общественных связей, обусловленных отношениями по поводу создания, культивирования и развития определенных представлений о целях и ценностях, есть конкретно-историческая религия, и из-за неотъемлемости в ней друг от друга целей и ценностей мы характеризуем ее как систему ценностно-целевых связей. Ценности же могут быть и преходящими субъективно-относительными, и постоянными объективно-абсолютными. Именно от последних в основном зависит религиозно-философская рефлексия, обуславливаемая четвертым, *аксиологическим* социальным фактором.

Априорное стремление к постижению трансцендентного с необходимостью порождает в человеке разумном желание осмыслить мироздание вообще и общество в частности, приводящее к созданию и совершенствованию исторически

преемственной системы социальных связей по поводу субъект-объективных целей и ценностей. Ценности, безусловно, являются атрибутом только человеческого общества. Для животного стада, пчелиного роя или волка-одиночки нет никакой необходимости оценивать внешний и внутренний миры, формируя при этом сложную общепринятую систему поведения — нравственность. Хотя о некотором характере, этосе природного сообщества вполне уместно говорить, однако в животном мире отсутствует религиозность, а именно она, в первую очередь, необходима для синтезирования нравственных систем. Религиозность возможна лишь в сообществе людей, устремляющемся за пределы природных фактов и дополняющем инстинкты интеллектом и интуицией, коллективными институтами учителей и многообразием знаний.

Религиозность как, с одной стороны, стремление к постижению иного, высшего, абсолютного, с другой, следование уже сформированным представлениям о них — существеннейшее качество, выделяющее человека из животного мира. И второй ее аспект обуславливается пятым социальным фактором религиозно-философской рефлексии — *ретроспективным*.

Для утверждения и сохранения в обществе определенной ценностно-религиозной системы требуется обращение мыслителей к историческому проблематике, «оправдание» наличного социального бытия традицией.

Априорное стремление к постижению трансцендентного с необходимостью порождает в человеке разумном желание осмыслить мироздание вообще и общество в частности, приводящее к созданию и совершенствованию исторически преемственной системы социальных связей по поводу субъект-объективных целей и ценностей, для сохранения которой во времени становится обязательным следование традиции. То, что было ранее, уже само по себе, как правило, оценивается положительно, поскольку есть настоящее, и значит, чтобы наступило будущее, нужно действовать так же, как тогда, в прошлом. Это гарантирует стабильность общественной жизни и придает силы для сопротивления негативным вызовам переменчивого мира.

Социальные новации так же закономерно возникают в обществе уже потому, что оно интенционально. Но стремление к изменениям в познании и обыденной жизни далеко не всегда конструктивно, оно требует проверки временем, просеивания через сито традиций, в противном же случае «беспочвенное» стремление увлечет человека и общество в плюралистически-субъективную пропасть. И эта тенденция, к сожалению, весьма характерна для современного общества, наряду с культурными универсалиями (о качественности и значимости многих из которых, конечно, можно спорить, но отрицать совсем — ни в коем случае!) теряющего и свои объективные основания.

Традиции жизненно необходимы обществу так же, как семье для ее существования необходимо почитание родителей. Почитание, но не калькирование их жизни, иначе смысл бытия отдельной личности теряется в продолжении рода. Но для чего само это продолжение? Если мы хотим уйти от бессмысленной «дурной» бесконечности, следует признать — для развития, совершенствования, а по-

тому закономерно и появление новых социальных фактов. Это противоречие традиций и новаций в обществе решается антиномистическим синтезом, обуславливающим когда сознательный, а когда и нет выбор путей эволюции жизненного мира.

Каким же образом в социальной ситуации дня сегодняшнего уяснить, хотя бы приблизительно, в каком направлении движутся человек и общество по историческому тракту? Моряки хорошо знают, что для того чтобы не пропасть в бурном море, следует не терять на карте связь с точкой отсчета, с родным портом, и, постоянно определяя свое местоположение имеющимися для этого средствами, рисовать «невязки» (значки на штурманской карте в виде извилистой линии, соединяющей определенную навигационными средствами истинную точку положения судна и точку, в которой *должно быть* судно, но *не есть* в результате действия ветра, течений и других факторов), корректируя, но неуклонно продолжая линию определенного курса. Историки же призваны не терять связи между поколениями и, сравнивая реалии прошлого и настоящего, улавливать невидимые из современности тропинки истории, сливать их в мощеную дорогу концепций философии истории. И пусть эти концепции разные, порой противоречащие друг другу, они нужны человечеству так же, как морякам нужен изначально проложенный курс.

Историософские «невязки» нарисуются, цели определяются точнее, курс откорректируется, но для того чтобы это произошло, следует уверенно изобразить на исторической карте линию, извилистую или кривую, и твердо сказать: «Мы идем туда!» (иначе возникает опасность навечно остаться в «родном порту», как это когда-то произошло с животным миром). Но чтобы сказать это, следует иметь хотя бы приблизительное представление о том, что может быть «там», в будущем. Поэтому религиозно-философской рефлексии никак не обойтись без шестого фактора, *прогностического*.

Социальное прогнозирование далеко не всегда является занятием благодарным, любой историк, политик, экономист без труда воспроизведет массу фактов, свидетельствующих о неплототворности предсказаний будущего. Возникает соблазн всю футурологию причислить к фантазийным измышлениям. Однако это, конечно, далеко не так.

С чего каждый из нас начинает, проснувшись, свой день? В большинстве случаев с упорядочивания тех дел, которые предстоит сегодня свершить, так сказать, с суточного прогноза. А зачем, собственно, такое свершение необходимо? Для того чтобы когда-то произошло нечто, намеченное нами и, возможно, намеченное уже очень давно. Предстоящий день есть средство приближения во времени запланированного нами ранее. Почему же не так должно быть в обществе, единении индивидуальностей?

Другое дело, что спрогнозировать наше собственное будущее, а тем более будущее общества — чрезвычайно сложная задача, и в ней ошибки более часты, чем в какой-либо другой.

Но из чего мы исходим, строя индивидуальные планы на жизнь? Из наличествующих возможностей и ситуаций. Их мы экстраполируем в будущее, плюсуем

с только могущими появиться возможностями, прибавляем немножко мечты и удачи и рисуем картинку будущего. Реже учитываем грозные прогнозы усиления катастрофических факторов, хотя этими прогнозами перенасыщены современные средства массовой информации.

В самом деле, что нам до сокращения численности оленьих стад, или далекой техногенной катастрофы, или неближней войны, когда оленье мясо не входит в наш рацион, взбесившаяся техногенная стихия угрожает не нам и не слышно ворчанье автоматов? Конечно, это непростительная легкомысленность, но так уж устроен всякий индивид животного мира: ему нет дела до того, что не портит его шкуру. Человек в этом отношении не так далеко ушел от прежних своих «сородичей».

Теперь задумаемся: эффективны ли будут наши прогнозы личной жизни, скажем, на десятилетие вперед? Едва ли: слишком много факторов влияют на нас в сложнейшем плетении фактов природы и общества. Но поставим вопрос по-другому: а нужны ли нам вообще все эти прогнозы? Если мы еще совсем не разочаровались в осмыслении действительности, то, конечно, ответим — безусловно. Так и в обществе, которому необходимо рефлексировать не только прошлое, но и будущее.

Априорное стремление к постижению трансцендентного с необходимостью порождает в человеке разумном желание осмыслить мироздание вообще и общество в частности, приводящее к созданию и совершенствованию исторически преемственной системы социальных связей по поводу субъект-объективных целей и ценностей, для сохранения которой во времени становится обязательным следование традиции и формирование представлений о возможных путях дальнейшего развития социума.

Но чтобы действительно стабилизировать на относительно долгий срок систему ценностно-целевых связей в обществе, необходимо создавать институты традиционализации и авторитаризации, а для этого есть только один путь — освящение, сакрализация социальных фактов, т.е. уже сделанного в социуме в прошлом. Здесь для исследуемой нами религиозно-философской рефлексии становится важен седьмой социальный фактор — сакраментальный.

То, по поводу чего в обществе (или в части общества) уже было достигнуто когда-то ранее соглашение, закрепляется в нем посредством придания неземного, нечеловеческого смысла, посягать на который становится уже преступно. Закреплять этот смысл призваны ритуалы, обряды, различные стереотипы действия. С их помощью в социуме фундируются сакрально-авторитетные представления о божествах, демонах, Абсолюте, Боге, героях, «вождях народов», разъясняемые мифами, данными «сверху» законами, откровенными писаниями, догматическими постановлениями Соборов, буллами божественных наместников, решениями пленумов и пр. И серьезный исследователь не вправе, обобщая, утверждать реальность всех этих исторических представлений, ведь наряду с действительно преходящей субъективностью многих из них некоторые отражают объективное. *Априорное стремление к постижению трансцендентного с необходимостью порождает в человеке разумном желание осмыслить мироздание вообще и об-*

щество в частности, приводящее к созданию и совершенствованию исторически преемственной системы социальных связей по поводу субъект-объективных целей и ценностей, которая, сакраментализируясь во времени, формирует представления о возможных путях дальнейшего развития социума.

Упрощая наш дедуктивно развернутый тезис, мы придем к простому суждению: *априорное стремление человека к постижению трансцендентного с необходимостью порождает религию*, а значит, мы исчерпали возможности поиска критериев выделения социальных факторов религиозно-философской рефлексии. Согласимся, что перечень факторов получился далеко не полным и, возможно, не вполне совершенным, при этом отметим, что рассматривать эти факторы следует только в их органической взаимосвязи, поскольку проведенное выделение является очередной попыткой объяснения целого, основывающегося на анализе его частей, попыткой, как это заметили еще древние мыслители, всегда обреченной на определенную степень неудачи, но, дополним мы, необходимой для приращения знаний о целом.

SOCIAL FACTORS RELIGIO-PHILOSOPHICAL REFLECTION

T.V. Dushina, A.A. Lagunov